

«И КАК ПИШЕТ КРИТИК СТРАХОВ...»
(ТЕМА СПИРИТИЗМА В ПУБЛИЦИСТИКЕ
ДОСТОЕВСКОГО, Н. Н. СТРАХОВА
И В РОМАНЕ «БРАТЪЯ КАРАМАЗОВЫ»)

Тема «Достоевский и Страхов» в современном достоевско-ведении обычно рассматривается сквозь призму исторически непростых отношений писателя и философа, особенно ярко выразившихся в скандальном письме Страхова Л. Н. Толстому и последовавших за этим письмом оценках А. Г. Достоевской.¹ При таком подходе Страхов и его наследие оцениваются, как правило, негативно.² В результате выпадает целый пласт историко-литературного материала, важного для понимания позитивного значения отношений двух деятелей, важности идей и трудов Страхова для понимания произведений, эволюции Достоевского как писателя и мыслителя. Представляется более плодотворным обратиться к тому подходу к данной теме, который был предложен еще в 30-е гг. XX в. Д. И. Чижевским, который, будучи сам религиозным философом, высоко оцени-

¹ См., например, исключительно негативную оценку Страхова в популярном издании: *Сараскина Л. И.* Достоевский. М., 2011. С. 543–544, 546, 550–551.

² Так, С. С. Шаулов, который вроде бы пытается иначе взглянуть на тему отношений Страхова и Достоевского приходит к выводу, что «диалог Страхова с Достоевским не состоялся» (*Шаулов С. С.* Н. Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов. Уфа, 2011. С. 12). Из известных мне работ иная точка зрения представлена польским исследователем Андже-ем де Лазари в его книге «В кругу Федора Достоевского» (М., 2004). В этой монографии автор исследует как раз общий ряд философских ценностей, сложившейся в общении Достоевского, Страхова и Ап. Григорьева.

вал деятельность и научное наследие Страхова. Рассматривая отношения Достоевского и Страхова, Чижевский неоднократно отмечал, что Страхов на протяжении ряда лет был для Достоевского «философским информатором»³. Исследователь справедливо писал и о том, что Достоевский и Страхов, несмотря на многие личные несогласия, составляли единый лагерь в идеологической борьбе своего времени, в частности, в сражениях с просвещенцами. Для них обоих главный вопрос — вопрос о ценности человеческой личности — был непосредственно связан с вопросом о вере в Бога. Напряженный диалог и общение со Страховым, безусловно, являются одним из важных источников произведений Достоевского. Об этом же писал в свое время и А. С. Долинин в известной статье «Достоевский и Страхов». По его наблюдениям, воздействие Страхова проникало «вглубь философских воззрений Достоевского, освещая в его сознании самый метод его художественного творчества»⁴. Долинин рассматривает основные идеалистические установки Страхова: примат духа над материей, проблему субъективизма в познании, соотнося их с установками Достоевского-художника: строение образа героя в соответствии с идеей, формирующей его психический склад, равно и реальную обстановку, его окружающую.⁵ Психологический метод Достоевского, его постоянный «обратный ход» — от внешнего мира к внутреннему — тоже находится в соответствии с дуализмом Страхова и его методом внутреннего наблюдения.⁶ «Природа есть непрерывное создание духа, как и тело человека — создание и выражение его души. Такова основа страховского идеализма. Душа, идея — единственная активная, творящая сила в окружающей действительности. В этом смысле „жизнь не только самоудовлетворение, но и саморазрушение, самонедовольство“ <...>. Герои Достоевского выражают эту же мысль на своем языке: кто сказал, что человек непременно стремится к счастью?»⁷ Как на один из многочисленных примеров единомыслия между Страховым и Достоевским в области философии и этики указывает

³ Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007. С. 302.

⁴ Долинин А. С. Достоевский и другие. Л., 1989. С. 252.

⁵ Там же. С. 254.

⁶ Там же. С. 256.

⁷ Там же. С. 257.

Долинин на мысль Страхова: «...тот оскорбляет человеческую природу, кто воображает, что можно устроить благополучное человеческое общество без содействия его сознания и свободы»⁸. Именно на этой мысли, как пишет далее Долинин, основана книга пятая «Pro и Contra» в «Братьях Карамазовых».⁹

На современном этапе (несмотря на общий оценочный негативизм) исследователи отмечают важность эпизодов биографического общения Достоевского и Страхова. Так, В. Н. Захаров указывает на важность «арифметической» полемики Достоевского со Страховым для «Записок из подполья».¹⁰ В. А. Туниманов, анализируя «нелестный портрет Страхова как литератора-семинариста», набросанный Достоевским в черновиках к «Дневнику писателя» за июль–август 1876 г. (см.: 24; 240–241), прослеживает судьбу этого фельетонного эскиза: «...очерк о семинаристе как типе не будет осуществлен, но и бесследно не исчезнет: пригодится при создании образа Ракитина в „Братьях Карамазовых“»¹¹.

Представляется, что было бы важно рассмотреть корпус сочинений Страхова как один из очень важных источников произведений Достоевского 1860–1870-х гг. Такая работа позволила бы и выявить новые цитатные отсылки в произведениях писателя, и в целом обозначить важнейшую сторону его творчества: взаимоотношения с русской религиозно-философской мыслью второй половины XIX в., взаимовлияния, притяжения и отталкивания (что как раз нашло свое воплощение в сюжете непростых личных отношений писателя и философа). Конечно, эта тема монографического плана, ибо она охватывает два важнейших десятилетия в жизни и творчестве как Достоевского, так и Страхова, этапы сотрудничества во «Времени» и «Эпохе», издания «Гражданина». В рамках данной статьи предполагается рассмотреть «Письма о спиритизме» Н. Н. Страхова как один из важных источников главы «Черт. Кошмар Ивана Фе-

⁸ Н. Косица [Страхов Н. Н.] Тяжелое время (Письмо в редакцию «Времени») // Время. 1862. № 10. <Отд.> Современное обозрение. С. 194–216.

⁹ Долинин А. С. Достоевский и другие. С. 259.

¹⁰ Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // Вопросы философии. 2011. № 4. С. 111. Ср.: Шаулов С. С. Н. Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов. С. 16–17.

¹¹ Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений. СПб., 2013. С. 273.

доровича» в «Братьях Карамазовых». Но прежде чем перейти собственно к анализу «Писем о спиритизме», необходимо кратко обозначить вехи изучения вопроса о трудах Страхова как источнике последнего романа писателя.

Известно, что сочинения Страхова имелись в библиотеке Достоевского.¹² Как пишут составители ценного издания «Библиотека Ф. М. Достоевского», «комментаторы ПСС усматривают отражение некоторых идей книги Страхова „Мир как целое“ в романе „Братья Карамазовы“; рассказах „Бобок“ и „Сон смешного человека“ (см.: ПСС, 15, 444–445; 17, 406; 25, 400)¹³. Тем не менее в реальном комментарии к «Братьям Карамазовым» в 15-м томе ПСС отсылки к работам Страхова нет.¹⁴ Д. И. Чи-

¹² Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции: научное описание. СПб., 2005. С. 145. Надо сказать, что в библиотеке Достоевского находился ряд работ Н. Н. Страхова: Женский вопрос: разбор сочинения Джона Стюарта Милля «О подчинении женщины». СПб., 1871 (Там же); сборники «Природа: Популярный естественноисторический сборник» (М., 1874) со статьей Н. Н. Страхова «О развитии организмов: Попытка точно поставить вопрос» (Там же. С. 182, 192) и «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» (СПб., 1876) с очерком Страхова «Из поездки в Италию» (Там же. С. 255–256); переводы Страхова: *Тэн И. Об уме и познании* / пер. с фр. под ред. и с предисл. Н. Н. Страхова. СПб., 1872 (Там же. С. 145); Франциск Бекон Веруламский. Реальная философия и ее век: сочинения Фишера / пер. Н. Страхова. СПб., 1867 (Там же. С. 146); часть рецензированных Страховым изданий (например: *Дарвин Ч. Происхождение человека и подбор по отношению к полу Чарльза Дарвина*: в 2 т. СПб., 1871–1872 — Там же. С. 165). Кроме того, в библиотеке Достоевского хранились номера журнала «Заря», редактором которого был Страхов (Там же. С. 203). Связывал Достоевского и Страхова и общий круг чтения, который тоже ждет своего исследования.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Правда, в новом, 18-томном Полном собрании сочинений Достоевского, которое вышло под редакцией В. Н. Захарова, в реальном комментарии В. Е. Ветловской к «Братьям Карамазовым» сочинение Страхова «Мир как целое» упомянуто в ряду возможных источников названия поэмы Ивана «геологический переворот». Комментатор рассматривает как источники выражения «геологический переворот» книгу Кювье о «геологических переворотах» «Discours sur les révolutions de la surface du globe par le Baron G. Cuvier» (Paris, 1825), упоминаемую Герценом в «Былом и думах»; «Жизнь Иисуса» Э. Ренана и книгу Страхова «Мир как целое» (*Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.*: в 18 т. М., 2004. Т. 14. С. 380–381). Контекст эпохи, безусловно, указывает на содержательность темы «поэмки» Ивана Карамазова. В. Е. Ветловская, правда, не ссылается на работы Чижевского, который, видимо, первый

жевский же еще в 1930-е гг. указал на сочинения Н. Н. Страхова «Мир как целое» и «Три письма о спиритизме» как на источники романа¹⁵, в том числе в связи с названием поэмы Ивана и образом черта. Кроме того, в круге его работ о Достоевском и Страхове анализируется значение философских идей Страхова для религиозно-философского содержания художественного мира Достоевского. В частности, он намечает ряд проблем, волновавших и философа, и писателя.

В небольших заметках «Черт Ивана Карамазова и Н. Н. Страхов», «Философия Ивана Карамазова и Страхова», «Достоевский и Страхов», в русском и немецкоязычном вариантах статьи «К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов — Достоевский — Ницше)»¹⁶ Чижевский обозначает принципиальную важность и для Достоевского, и для Страхова мысли «о центральном положении человека в мире — в природе и в истории. Эта мысль — основа христианского мировоззрения. Страхов, поскольку он сознает, что пишет для неверующих или скептических читателей, обосновывает ее научно и философски; много в его аргументации взято из арсенала немецкого идеализма, недаром он был и остался навсегда гегельянцем»¹⁷. Именно с этой отправной точкой отсчета связан круг отсылок к работам Страхова в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Чижевский

указал на книгу Страхова как источник названия поэмы. Но это понятно: достоевсковедческие работы Чижевского в отечественном литературоведении до сих пор очень мало введены в научный оборот.

¹⁵ Перечислю ряд работ Чижевского, посвященных Достоевскому и Страхову: 1) Literarische Lesefrüchte II: (10) Der Teufel Ivan Karamazovs und N. N. Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. 1933. X (3/4). S. 388–390; 2) Literarische Lesefrüchte II: (11) Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov // Ibid. S. 390–396; 3) Literarische Lesefrüchte IV: (37) Dostojevskij und Strachov // Zeitschrift für slavische Philologie. 1936. XIII (1/2). S. 70–72; 4) К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов — Достоевский — Ницше) // Жизнь и смерть : сб. памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова : в 2 т. / под ред. А. Л. Бема, Ф. Н. Досужкова и Н. О. Лосского. Прага, 1936. Т. 2. С. 26–38; 5) Dostojevskij und Nietzsche : Die Lehre von der ewigen Wiederkunft. Kleine Schriften aus der Sammlung «Deus et anima». 1. Schriftenreihe. Bd. 6. 1947.

¹⁶ См. примеч. 15. Я писала об этом в моей статье «Достоевский, Страхов, Ницше в „истории духа“ Д. И. Чижевского» (Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. № 13 (2). С. 145–153).

¹⁷ Чижевский Д. К проблеме бессмертия у Достоевского (Страхов — Достоевский — Ницше). С. 37.

указывает на связь идеи вечного повторения (известные слова черта «Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась...» — 15; 79) со статьей Страхова «О жителях планет». Ученый так комментирует использование Достоевским отсылки к идее, высказанной Страховым: «Достоевский вкладывает в уста черта Ивана Карамазова слова из этого учения только для того, чтобы показать, в какой тупик зашла мысль просветителя Ивана. Черт высказывает идеи просветительского мировоззрения, выводы, которые сам Иван не осмеливался развивать всерьез. В мире без Бога полное страданий существование человека оказывается бессмысленным, человек теряет свое достоинство, свое значение, свое центральное положение в мире. Чтобы выявить это основное настроение мировоззрения Ивана, Достоевский, вероятно, обращался к трудам своих ранних соратников и знатоков философии. А Страхов уже в 1860 году предвидел, что европейская философия придет к учению о вечном повторении...»¹⁸

С вопросом о центральном положении человека в мире связана проблема «высшего человека» («то есть существа, которое было бы выше, чем человек»), которая мучит Ивана Карамазова в романе Достоевского. Чижевский пишет: «Достоевский хочет показать в образе Ивана (ранее ряд родственных мотивов уже возникал в „Преступлении и наказании“), к каким немислимым следствиям можно прийти, если в пользу сверхчеловека отказываться от конкретных живых людей. Такую постановку вопроса мы находим еще раньше в статьях Страхова шестидесятых годов. Четче всего Страхов сформулировал свое отношение к проблеме „высшего человека“ в статье о Фейербахе (1864, изданной в собрании статей Страхова „Борьба с Западом в русской литературе“, т. II, Петербург, 1883, с. 78 и далее, и в „Философских очерках“, Петербург, 1895, с. 51¹⁹)»²⁰.

Достоевский использует для своих художественных целей философские разработки идей Страхова. Так, понятие «геоло-

¹⁸ Čyževskij D. Literarische Lesefrüchte II: (10) Der Teufel Ivan Karamazov und N. N. Strachov. S. 390.

¹⁹ Страхов Н.: 1) Борьба с Западом в нашей литературе : исторические и критические очерки. Книжка вторая. СПб., 1883 ; 2) Философские очерки. СПб., 1895.

²⁰ Čyževskij D. Literarische Lesefrüchte II: (11) Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov. S. 391.

гического переворота» возникает у него (по мысли Чижевского) именно с подачи Страхова: «В приведенной выше цитате из работы Страхова мы читали о возможном „геологическом перевороте“ (Борьба с Западом, II, 105). Также и в другом месте у Страхова идет речь о „геологическом перевороте“: „Но представьте, говорят иногда, что теперь, завтра же произойдет геологический переворот; люди погибнут, и, по аналогии, вероятно, земля заселится новыми животными, высшими, нежели человек“...» (далее у Страхова идет эпизод с профессором С. С. Кутургой, который высказался в том смысле, «что после нас на земле явятся люди с крыльями»). И Чижевский пишет: «Даже внешне этот „геологический переворот“ напоминает „поэму“ молодого Ивана. Черт Ивана Карамазова (сущность черта, по Достоевскому, заключается в отрицании, а его функция в романе состоит в том, чтобы представлять негативные идеи Ивана, а значит и идеи просвещения); поскольку Иван является представителем высшей формы просвещения <...> Иван вспоминает о стихотворении („поэмке“) „Геологический переворот“, которую он, по-видимому, написал в молодости. Ивана интересует не столько „геологический (и биологический) переворот“ в буквальном смысле слова, сколько возможность „духовного переворота“ („параллель геологическому перевороту“). Сущность этого духовного переворота должна состоять в том, чтобы „человечество отрелось поголовно от Бога“, на котором держится „все прежнее мировоззрение... вся прежняя нравственность, и наступит все новое“. <...> Когда исчезает идея Бога, возникает новый род человеческого (или, лучше сказать, „сверхчеловеческого“) существа: поскольку люди теперь являются только „недоделанными пробными существами, созданными в насмешку“ [14, 238] (это высказывание Достоевский в разговоре Ивана с Алешей ставит в кавычки, как будто это цитата, но цитата это из „Геологического переворота“ Ивана, или же из статьи Страхова? — ср., например, „Мир“ с. 15 и далее). <...> Этим новым людям „все позволено“. Они, хотя и не подобны ангелам (не крылаты), как сверхлюди профессора зоологии, описанного Страховым, но они еще выше, это человекобог... Свою поэму Иван вспоминает также и на суде»²¹.

Достоевский, конечно, переосмысляет тему Страхова, переводя ее из биологической в собственно духовную систему ко-

²¹ Ibid. S. 393–394.

ординат. «Именно поэтому, — как пишет далее Чижевский, — тема „сверхчеловека“ (это слово хорошо подходит к человеку-богу Достоевского) имеет больше общего с постановкой вопроса у Ницше, чем с биологическими гипотезами Страхова»²².

Тема спиритизма в последнем романе Достоевского тесно связана, по наблюдениям Чижевского, с темой «высшего человека» и «эвклидовского ума». Так Иван рассуждает об «„эвклидовском уме“, которому, вероятно, должен противопоставляться „неэвклидов“, с иными, чем наши, законами рассуждения. То, что Достоевский при этом думал о „неэвклидовой геометрии“, ясно из текста романа (V, 3)²³. Неэвклидова геометрия была тогда малоизвестна в России. Здесь мы не можем решить вопрос, откуда Достоевский узнал о неэвклидовой геометрии (Страхов упоминает Римана в статье 1890 года, „Мир“. С. 575 и далее²⁴). Однако мы считаем, что здесь нашли отзвук идеи Страхова и его полемика с русскими спиритами (спириты также упоминаются в „Дневнике писателя“ — 1876, I, III, IV, а также упоминаются чертом Ивана Карамазова). Один из тезисов русских спиритов заключался в том, что эвклидова геометрия охватывает только область эмпирической действительности. Страхов защищает априорный характер геометрии (в сочинении „О жителях планет“ — 212 и далее, 265 и далее, и в ряде полемических статей, первые три из которых были изданы еще при жизни Достоевского, в 1876 году; они были перепечатаны в собрании статей Страхова „О вечных истинах“, Петербург, 1887; страницы 23–36 специально посвящены вопросу об априорном характере математики). Априорные законы геометрии действительны не только для нашего, но и для любого возможного мира (эта постановка вопроса, однако, не решает вопроса о неэвклидовой геометрии <...>). Для Страхова этот тезис снова становится характеристикой просветительского мировоззрения, которое приписывает геометрии и математике только эмпирическую действительность. А русские спириты стоят именно на почве просветительского мировоззрения. <...> Если

²² Ibid. S. 394.

²³ Отсылка к книге пятой «Pro и Contra», главе III «Братья знакомятся».

²⁴ В четвертой части книги «О законе сохранения энергии», в главке 10 «Механика как априорная наука» Страхов критически оценивает гипотезы Римана (примеч. Д. Чижевского).

Иван отказывается от центрального места человека в космосе и, таким образом, от единства природы, то он отказывается и от единства человеческой природы (что обозначает единство человеческого ума) и от единства идеального и чувственного мира. Достоевский, с христианской точки зрения, видит в этом отпадение от христианства, то есть от веры, от самого Бога... Не случайно этот отказ от сознания единства человеческого существа Ивана роднит его со Смердяковым...»²⁵.

* * *

Тема спиритизма была чрезвычайно популярна в русском обществе в 70-е гг. XIX в. О спиритизме писал Достоевский в январском, мартовском и апрельском выпусках «Дневника писателя» за 1876 г. В том же году на популярную тему откликнулся и Страхов. В еженедельнике «Гражданин» он опубликовал «Три письма о спиритизме» (1876. № 41–44). Позднее, в 1884 г., Страхов снова вернулся к этой теме, опубликовав в «Новом времени» «Еще письмо о спиритизме». В дальнейшем он собрал материалы своих выступлений по поводу спиритизма и полемики вокруг него в своей книге «О вечных истинах (мой спор о спиритизме)» (СПб., 1887).

Страхов позднее писал Толстому, что Достоевский «не прочитал только *Писем о спиритизме*, потому что был в этом вопросе так раздражен, что не в силах был читать»²⁶. Страхова в его «Письмах...» интересовал вопрос о «непреложных истинах» и «границе познания». Достоевский же в «Дневнике писателя» указывал на явление спиритизма как на один из симптомов трагического отпадения современного человека и общества в целом от веры в Бога. Приятие и неприятие Достоевским «Писем...» нашло свое отражение в шуточном стихотворении 1876 г. «Крах конторы Баймакова...»: «И уж пишет критик Страхов / В трех статьях о спиритизме, / Из которых две излишних, / О всеобщем ерундизме / И о гривенниках лишних» (17; 23). В романе «Братья Карамазовы» тема спиритизма получила своеобразное художественное преломление в теме болезни Ивана и образе

²⁵ Čyževskij D. Literarische Lesefrüchte II: (11) Die Philosophie Ivan Karamazovs und Strachov. S. 395–396.

²⁶ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым: 1870–1894. СПб., 1914. С. 273 (письмо от 4 мая 1881 г.).

черта. Цитаты из «Писем...» Страхова неслучайно возникают в главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича».

В публицистике Страхова и Достоевского спиритизм определен как заблуждение. Они оба видели духовные причины популярности этого сомнительного увлечения в русском обществе. Оба размышляли над причинами его распространения и проблемой познания как таковой. Возникает вопрос: что так сильно рассердило Достоевского в «Письмах о спиритизме», если он не смог их даже дочитать²⁷ (хотя читал все сочинения Страхова)? Понятно, что для Достоевского спиритизм — это «идея мистическая», и тут «самые математические идеи — ровно ничего не значат». «Вера и математические доказательства — две вещи несовместные. Кто захочет поверить — того не остановите» (22; 100–101).²⁸ Для Страхова же вопрос о математических доказательствах оказывается непосредственно связан с вопросом о рационализме как пути познания. В отдельном издании писем он пишет, что спиритуалисты — враги рационализма. Именно на рационалистической логике построены полемические письма Страхова. Так, в первом письме он очень логично опровергает все опорные тезисы спиритов (наука, авторитет ученых, прогресс человеческого знания, эмпирический метод, свобода исследования, позитивизм). «Те способы рассуждения, те приемы мысли, те руководящие принципы, которые употребляются защитниками спиритизма, не представ-

²⁷ Необходимо, однако, сделать поправку к письму Страхова. Судя по стихотворению «Крах конторы Баймакова...», Достоевский «Письма о спиритизме» все-таки дочитал: речь о «гривенниках лишних» идет в третьем заключительном письме. И еще одно важное замечание. В «Дневнике Писателя» за январь 1876 г. в статье «Спиритизм. Нечто о чертах. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» (Глава третья, § II) тема черта оказывается связана с темой будущего «Великого инквизитора», то есть темой Ивана. Конечно, речь не идет о том, что уже в 1876 г. у Достоевского был замысел образа Ивана. Скорей всего, речь идет о творческой лаборатории писателя, о стадии разработки некоторых тем, которые со временем, на определенном этапе работы над произведением, воплощаются в целом образе героя. В этом смысле знаковым является тот факт, что черновой вариант стихотворения «Крах конторы Баймакова...» записан на том же листочке черновых заметок, что и наброски к «Братьям Карамазовым» (см.: Ф. М. Достоевский : материалы и исследования. Л., 1935. С. 95).

²⁸ «Дневник Писателя». Март 1876. Глава вторая, § III «Словцо об отчете ученой комиссии о спиритических явлениях»:

ляют ни одной черты правильного метода, а состоят сплошь только из заблуждений, свойственных ученым натуралистам, и именно современным. Это поразительно. И мало того: чтобы спасти спиритизм, натуралисты принуждены доводить эти свои заблуждения до последней их крайности и изо всей силы держаться за эту крайность. Они хотят опытом узнать то, чего опыт дать не может; хотят метафизику сделать позитивною; обещают нам науку, не подчиненную никакому методу, никаким законам, и прогресс, не имеющий ни пути ни пределов. Это, конечно, чудеса, большие чудеса, но скорее всего — это ошибки, следовательно очень простые, хоть и печальные явления!»²⁹ Во втором письме Страхов делает ставку на разум, на человеческую мысль. Он предлагает решить, что такое спиритические явления: «1) Или это — естественные явления, образующие только новую область, подобно тому, как некогда новою областью были явления магнетические, электрические, волосность, эндосмос и т. д. 2) Или — это явления сверхъестественные, чудеса, то есть действия мира сверхчувственного, который стоит выше природы и имеет силу изменять ее законы»³⁰. Страхов выступает против эмпиризма доводов сторонников спиритизма. «Удивительно при этом, однако же, то, что для наших ученых как-нибудь неизвестно и непонятно существование совершенно иного учения о человеческом познании, учения очень распространенного, имеющего большую силу и составляющего неодолимое препятствие к признанию спиритизма»³¹. Речь идет об априорных «вечных истинах». И тут Страхов переходит (уже в рамках третьего письма) к «чистой математике». Письмо третье называется «Границы возможного». «Верите ли вы в непреложность чистой математики? Убеждены ли вы в том, что дважды два четыре, что эти и подобные истины справедливы всегда и везде, и что сам Бог, как говорили в старые времена, не мог бы сделать дважды два пять, не мог бы изменить ни одной из таких истин?»³² В доказательствах спиритов Страхов видит противоречие математическим законам, то есть априорным законам этого мира. Он пишет: «...я не только признаю непогрешимость

²⁹ *Страхов Н. О вечных истинах (мой спор о спиритизме)*. СПб., 1887. С. 12.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ Там же. С. 21.

³² Там же. С. 22.

математики, но и убежден непоколебимо, что таких вещей и явлений, о которых говорит или хотел говорить профессор Вагнер, нет, что они невозможны. <...> В математике, например, существуют положения: „две величины равные порознь третьей равны между собою“; „две стороны треугольника вместе взятые больше третьей“. <...> ...и не только спириты, но сам Бог не мог бы создать таких величин, для которых эти положения оказались бы ложными»³³. И дальше Страхов переходит к опытам: вначале с палочками (тот же принцип «дважды два четыре»), а затем с гривенниками, которые, видимо, так запали в память Достоевского, что он упомянул о них в шуточном стихотворении: «Крах конторы Баймакова...»³⁴. Приведу цитату: «Вот у меня две кучки монет, положим — гривенников; в одной — 11, в другой — 19 гривенников. Смотрите, я их смешиваю в одну кучку, и считаю, сколько вышло. Вы думаете, конечно, тридцать; оказывается тридцать один, т. е. один гривенник лишний. *Второй эксперимент.* Беру палочку и разбиваю эту общую кучку гривенников на две кучки. Считаю, нахожу в одной 7, в другой 23; следовательно, один гривенник пропал. *Третий эксперимент.* Эти две новые кучки соединяю в одну. Считаю, и нахожу 31. И т. д.»³⁵. Страхов подводит читателя к заключению, что «это невозможно»³⁶. И далее берется объяснить (при установке опять же на работу аналитического разума), «что же значит невозможно? Откуда у нас является такое непобедимое

³³ Там же. С. 25

³⁴ Приведу целиком стихотворение, текст которого очень интересен: «Крах конторы Баймакова, / Баймакова и Лури, / Влад созрели оба кова, / Два банкротства — будет три! / Будет три, и пять, и восемь, / Будет очень много крахов / И на лето, и под осень, / И уж пишет критик Страхов / В трех статьях о спиритизме, / Из которых две излишних, / О всеобщем ерундизме / И о гривенниках лишних» (17; 23). Конечно, сама рифма «крахов / Страхов» свидетельствует о трудностях в отношениях (как и ирония по поводу лишних статей и гривенников). Но что касается гривенников, то в данном случае любопытен момент полемики со Страховым. В стихотворении Достоевский отождествляет денежные махинации (в банковской сфере) с махинациями в сфере духовной (спиритизм). Для него лишние гривенники — овеществленное сравнение: лишний гривенник воплощает смысл духовных махинаций эпохи. Для Страхова опыт с гривенниками — демонстрация априорности физических и математических законов этого мира.

³⁵ *Страхов Н. О вечных истинах ...* С. 27.

³⁶ Там же. С. 29.

упорство?»³⁷. Он переносит предмет рассмотрения с объекта на субъект: «Еще Платон учил, что есть познание подобное *воспоминанию*, то есть не почерпаемое из предметов, нас окружающих, а существующее в самой душе и как будто усвоенное ею в каком-то прежнем существовании, раньше ее соединения с телом. Попробуем же и мы *вспомнить*, какие вещи по сущности своей возможны, и какие невозможны»³⁸. То есть «нужно иногда только хорошенько вспомнить, как выражается Платон, основания, хранящиеся в нашей душе, и мы без наблюдений заранее найдем, каких результатов следует ожидать. В математике это всего легче; вещественная же природа, очевидно, постоянно нас чем-то развлекает, чем-то мешает нам вспомнить ясно и отчетливо. Мало помалу дело однако же подвигается вперед, и истинный успех физических наук заключается именно в том, что истины физические получают характер математической непреложности»³⁹. Дальше идут опыты с водой: «Если у меня два стакана и в каждом некоторое количество воды, и если я вылью воду из одного стакана в другой, то в каком отношении количество соединенной воды будет к количествам, бывшим отдельно в стаканах? Конечно, соединенное количество будет сумма прежних отдельных количеств»⁴⁰. Страхов видит в этом тот же закон сложения и вычитания чисел, а не закон сохранения вещества, вечности/бессмертия материи. И тут он переходит к размышлению о том, что «наши истины тогда и потому только ясны и непреложны, когда из них выключается сердцевина дела, когда в них обходится сущность вещей»⁴¹. Дальше следуют примеры смерти Сократа и как кошка съедает мышь (отсылка к Гегелю). «Случай с Сократом мы никак не можем оценивать с позиций только физических и математических законов мира, т. к. речь идет о Сократе, о личности, ценность которой безмерна. Что касается кошки с мышкой, из двух существ получается одно вопреки законам математики», но «закон сложения соблюден строжайшим образом»⁴². Вывод

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 30–31.

⁴⁰ Там же. С. 31.

⁴¹ Там же. С. 33.

⁴² Там же. С. 35.

Страхова: понятие сущности вещи тесно связано с коренными вопросами о нашем познании.

Конечно, Достоевского не могли не раздражать рационализм и субъективизм Страхова. Писателю был свойственен интуитивный тип познания. Для него математические доказательства мало что значили в вопросах веры. И путь веры был связан с открытием (в частности, христианством) преодолимости физических законов этого самого мира.

И тем не менее многие из тем писем о спиритизме оказались значимы для образа Ивана Карамазова. В главе «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» тема Страхова возникает, возможно, уже в описании черта — «вроде как бы приживальщика хорошего тона, скитающегося по добрым старым знакомым, которые принимают его за уживчивый складный характер, да еще и ввиду того, что все же порядочный человек, которого даже и при ком угодно можно посадить за стол, хотя, конечно, на скромное место. Такие приживальщики, складного характера джентльмены, умеющие порассказать, составить партию в карты и решительно не любящие никаких поручений, если их им навязывают, обыкновенно одиноки, или холостяки, или вдовцы...» (15; 71).⁴³

Поддерживает эту гипотезу и тема спиритизма, возникающая следом за описанием персонажа. Черт развивает тезис Страхова, изложенный им во втором письме о спиритизме (о неприменимости законов тварного мира к миру сверхъестественному). И опять же вопрос о доказательствах оказывается неразрывно связан с вопросом о вере: «Притом же в вере никакие доказательства не помогают, особенно материальные. Фома поверил не потому, что увидел воскресшего Христа, а потому,

⁴³ Речь не идет о прототипе (как и в случае с Ракитиным, для поэтики образа которого был использован эскиз о Страхове-семинаристе; см.: *Туниманов В. А.* Лабиринт сцеплений. СПб., 2013. С. 273). Но отдельно взятые черты, часто упоминаемые современниками (складной характер, умение порассказать, холостяк, скитающийся по добрым старым знакомым), могли вполне быть взяты у Страхова. См. характеристику Страхова, данную одним из современников: *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1971. С. 405. См. также реплики Ивана черту: «...не философствуй, как в прошлый раз. Если не можешь убраться, то ври что-нибудь веселое. Сплетничай, ведь ты приживальщик, так сплетничай» (15; 72); «Не философствуй, осел!» (15; 76); «Опять в философию въехал!» (15; 76).

что еще прежде желал верить. Вот, например, спириты... я их очень люблю... вообрази, они полагают, что полезны для веры, потому что им черти с того света рожки показывают. „Это, дескать, доказательство уже, так сказать, материальное, что есть тот свет“. Тот свет и материальные доказательства, ай-люли! И наконец, если доказан черт, то еще неизвестно, доказан ли Бог?» (15; 71–72). Тема математики тоже восходит к Страхову: «Тут у вас все очерчено, тут формула, тут геометрия, а у нас все какие-то неопределенные уравнения!» (15; 73). Отсылка к Льву Толстому («Лев Толстой не сочинит» — 15; 74) тоже указывает на Страхова, который гордился дружбой с Толстым и часто про него рассказывал. Само рассуждение черта, как он простудился в неземном пространстве — «ведь это такой мороз» (15; 74), пародирует перенесение спиритами законов тварного мира на мир сверхъестественный, что так возмущало Страхова и вызывало иронический отклик у Достоевского.⁴⁴

Стержневая для образа Ивана тема ума оказывается одной из центральных в диалоге Ивана и черта: «Вот ты поминутно мне, что я глуп. Так и видно молодого человека. Друг мой, не в одном уме дело! <...> Ты вечно сердишься, тебе бы все только ума...» (15; 77). Это тоже тема диалога Страхова и Достоевского: о рационализме как пути познания, об уме как опоре в различении истинного и ложного. Черт приводит известное изречение Декарта, на котором строится его философия: «„Je pense donc je suis“⁴⁵, это я знаю наверно, остальное же все, что кругом меня, все эти миры, Бог и даже сам сатана — все это для меня не доказано, существует ли оно само по себе или есть только моя эманация, последовательное развитие моего я, существующего одновременно и единолично... словом, я быстро прерываю, потому что ты, кажется, сейчас драться вскочишь» (15; 77). И именно Декарта очень ценил Страхов. Как пишет А. С. Долинин, «уже современники отметили с достаточным основанием, что из „всех учений, примиренных в гегельянстве“, Страхов ста-

⁴⁴ Ср. пассажи черта: «Ведь это миллиард лет ходу? — Даже гораздо больше, вот только нет карандашика и бумажки, а то бы рассчитать можно» (15; 79); «А только что ему отворили в рай, и он вступил, то, не пробыв еще двух секунд — и это по часам, по часам (хотя часы его, по-моему, давно должны были бы разложиться на составные элементы у него в кармане дорогой)...» (Там же).

⁴⁵ Я мыслю, следовательно, я существую (*фр.*).

вит превышает всего учение Декарта. <...> Для Страхова *бытие* всегда является чем-то косным; по отношению к „субъекту“, к идее действительность пребывает в положении покорного раба. Человек, его разум — вот „центр и мера вселенной, во всем ее прошлом, настоящем и будущем“ — так утверждает он постоянно в своих работах»⁴⁶. Установка на субъект познания ярко проявилась в «Письмах о спиритизме» (особенно в акценте на познание сущности вещей с опорой на Платона). А Достоевский прекрасно видел опасности такой установки на субъективизм в познании. И в словах черта довел эту установку до логического предела: установка на ум ставит под сомнение существование мира и Бога (что в полной мере и осуществится в истории философии). В попытке защититься от черта, который давит на Ивана его же аргументами, герой кричит: «Ты сон и не существуешь!» (15; 79), на что получает чрезвычайно логичный ответ: «По азарту, с каким ты отвергаешь меня, — засмеялся джентльмен, — я убеждаюсь, что ты все-таки в меня веришь» (Там же).

Далее в словах черта возникает опять же страховская тема «вечного возвращения», на которую указывает Чижевский. Ироническое замечание черта по поводу анекдота о пасторе и блондинке: «...природа-то, правда-то природы взяла свое!» — тоже может быть прочитано как полемическая реплика в контексте естественно-научных работ Страхова (в «Мире...» человек рассматривается как центр целого с точки зрения естественно-научной, хотя, несомненно, Страхов никогда не рассматривал человека только как явление биологического порядка).

Присутствует, конечно, в тексте и полемика с Гегелем (а Страхов был гегельянцем): в частности, вопрос о необходимом «минусе», без которого не будет «плюса». «Каким-то там довременным назначением, которого я никогда разобрать не мог, я определен „отрицать“, между тем я искренно добр и к отрицанию совсем не способен» (15; 77). Далее черт говорит: «Мы эту комедию понимаем: я, например, прямо и просто требую себе уничтожения. Нет, живи, говорят, потому что без тебя ничего не будет. Если бы на земле было все благоразумно, то ничего бы и не произошло. Без тебя не будет никаких происшествий, а надо, чтоб были происшествия. Вот и служу скрепя сердце, чтобы были происшествия, и творю неразумное по приказу. Люди принимают всю эту ко-

⁴⁶ Долинин А. С. Достоевский и другие. С. 253.

медью за нечто серьезное, даже при всем своем бесспорном уме. В этом их и трагедия. Ну и страдают, конечно, но... все же зато живут, живут реально, не фантастически; ибо страдание-то и есть жизнь» (Там же). И в анекдоте черта об осанне (когда «здравый смысл» не дал черту ее пропеть): «Я ведь знаю, тут есть секрет, но секрет мне ни за что не хотят открыть, потому что я, пожалуй, тогда, догадавшись в чем дело, рявкну „осанну“, и тотчас исчезнет необходимый минус и начнется в мире благоразумие, а с ним, разумеется, и конец всему <...>. Нет, пока не открыт секрет, для меня существует две правды: одна тамошняя, ихняя, мне пока совсем неизвестная, а другая моя. И еще неизвестно, какая будет почище...» (15; 82).

Затем в диалоге возникает тема «геологического переворота» (проанализированная Д. Чижевским в контексте книги Страхова «Мир как целое»). И в завершении разговора с чертом Иван запускает в него стаканом воды (отсылка к известному эпизоду с чернильницей Лютера). От стука Алеши Иван приходит в себя: «Обе свечки почти догорели, стакан, который он только что бросил в своего гостя, стоял перед ним на столе, а на противоположном диване никого не было» (15; 84). Этот самый стакан на столе, пожалуй, последняя отсылка в рамках данной главы к «Письмам о спиритизме» Страхова. Именно на примере со стаканами с водой он демонстрировал в третьем письме априорность и незыблемость физических законов этого мира. И эта последняя отсылка, кроме всего прочего, указывает на тезис Страхова, принципиально важный и для Достоевского, — утверждение незыблемости правды земного мира и законов природы. В художественном мире «Братьев Карамазовых» правда земная обретает глубоко позитивный религиозно-философский смысл.⁴⁷

В данной статье перед автором стояла задача указать на значимость философских трудов Страхова для творческой лаборатории и поэтики произведений Достоевского. Предпринятое исследование значения «Писем о спиритизме» Н. Н. Страхова для главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» в последнем романе писателя подтверждает необходимость дальнейшей разработки этой темы.

⁴⁷ Тошккина А. В. Религиозно-философский смысл образа природы в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Достоевский и мировая культура. 2009. № 25. С. 313–323.